

«ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕДНОСТЬ» И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Оноприенко В.И.

*Центр исследований научно-технического потенциала и истории науки
им. Г.М. Доброва НАН Украины*

В конце 60-х – 70-е гг. XX в. на основе технологической революции в мире начинают происходить два взаимосвязанных процесса: формирование информационного общества и глобализация.

Сущность информационного общества определяет ряд взаимосвязанных процессов: информация и знания становятся важным ресурсом и подлинной движущей силой социально-экономического, научного и технологического развития; формируется рынок информации и знания; стремительно растет удельный вес отраслей, обеспечивающих создание, передачу, обработку и использование информации; развитая информационная инфраструктура превращается в условие, определяющее национальную и региональную конкурентоспособность; развитие и активное внедрение во все сферы деятельности новых информационно-коммуникационных технологий существенно меняют модели образования, труда, общественной жизни и отдыха.

Информационный сектор экономики становится наиболее важным и первым по числу занятых в нем. Основными критериями информационного общества служат количество и качество имеющейся в обращении информации, ее эффективная передача и переработка. Информационное общество - это общество, где все средства информационной технологии (компьютеры, интегрированные системы, кабельная, спутниковая и др. виды связи, видеоустройства, программное обеспечение), научные исследования нацелены на то, чтобы сделать информацию общедоступной и активно внедряемой в производство и жизнь.

Не менее значимо формирование единого мирового информационного пространства и углубление процессов информационной и экономической интеграции стран и народов; создание рынка информации и знаний как факторов производства,

дополняющих рынки природных ресурсов, труда и капитала, и переход информационных ресурсов общества в реальные ресурсы социально-экономического развития, а также повышение уровня образования за счет расширения возможностей систем информационного обмена на международном, национальном и региональном уровнях и соответственно усиление роли квалификации, профессионализма и способностей к творчеству как важнейших характеристик услуг труда.

Развитие информационных технологий, а затем и нанотехнологии привело не только к существенным изменениям в сфере производства и потребления, но и к изменению общественного устройства, способствуя формированию информационного общества.

Информационные технологии являются главным инструментом процесса глобализации, причем инструмент и процесс взаимоускоряют друг друга [1]. В энциклопедии «Глобалистика» глобализация определяется как «слияние национальных экономик в единую, общемировую систему, основанную на быстром перемещении капитала, новой информационной открытости мира, технологической революции, приверженности развитых индустриальных стран либерализации движения товаров и капитала, коммуникационном сближении, планетарной научной революции; для нее характерны межнациональные социальные движения, новые виды транспорта, телекоммуникационные технологии, интернациональная система образования» [2].

В основе процессов глобализации лежат достижения новейших информационных технологий, которые, объединяя весь мир компьютерными сетями, способствуют слиянию человечества воедино. Высокие технологии координируют деятельность по производству, комплектации и ре-

ализации различных товаров и услуг в буквальном смысле по всему земному шару. В последние годы эти технологии стали интенсивно внедряться в повседневную жизнь фактически каждого человека. Влияние биотехнологий на процессы глобализации в настоящее время, пожалуй, менее заметно, однако биотехнологии обещают решить многие проблемы здравоохранения, открывают принципиально иные возможности борьбы с голодом, увеличения продолжительности жизни и т.п.

Важным элементом глобализации является возникновение сетей. Современное общество — это общество глобальных сетей. М. Кастельс указывает, что сетевое общество «создано сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство... Не все социальные измерения и институты следуют логике сетевого общества, подобно тому как индустриальные общества в течение долгого времени включали многочисленные преиндустриальные формы человеческого существования. Но все общества информационной эпохи действительно пронизаны — с различной интенсивностью — повсеместной логикой сетевого общества, чья динамичная экспансия постепенно абсорбирует и подчиняет предсуществовавшие социальные формы» [3]. Сеть можно определить как группу фирм, которые объединяются с целью использования своих особенностей, ресурсов, специфических преимуществ перед другими для общего функционирования при реализации совместных проектов развития [4].

В мире формируется глобальная экономика, в которой доминирует «глобальная триада» Северной Америки, ЕС и Восточной/Западной Азии. Здесь размещены главные производительные силы мира и «мегарынки» мировой глобальной экономики, в которой центральную роль играют глобализированные транснациональные корпорации. Мировая экономика не просто становится взаимозависимой — она интегрируется в практически единое целое. Следует особо отметить, что в глобализации наиболее заинтересованы ведущие мировые державы, в которых живет чуть больше десятой доли человечества, но которые владеют двумя третями мировой экономики, международной банковской системой, доминируют на рынке капиталов [5]. Они обладают возможностью вмешательства практически в любой точке земного шара, контролируют международные коммуникации, производят наиболее сложные технологические разработки, определяют процесс технического образования.

Глобализация не приводит к выравниванию экономического потенциала различных стран, а напротив, интенсифицирует распространение глобального неравенства. Профессиональный взгляд на проблему неравенства в процессе глобализации высказывает Дж. Сорос: «Во-первых, это все более увеличивающийся разрыв между богатыми и бедными как внутри стран, так и среди стран. По общему признанию, глобализация - не игра с нулевой суммой: выгоды от нее превосходят все затраты, иначе говоря, прирост богатства не просто достаточен для компенсации неравенства и прочих негативных эффектов глобализации, он выше всех затрат. Проблема в том, что победители не собираются выплачивать какие-либо компенсации проигравшим ни внутри стран, ни на уровне государственных отношений. «Государство всеобщего благоденствия» ... перестало существовать, а международное перераспределение доходов практически отсутствует. В 2002 году сумма международной помощи достигла 56,5 млрд долл. Это составляет 0,1 % глобального ВВП. В результате разрыв между богатыми и бедными странами продолжает расти. На Земле 1 % населения, составляющего группу богатейших, получает столько же, сколько приходится на 57 % населения, относящегося к группе беднейших. Около 1,2 млрд людей живет менее чем на один доллар в день; 2,8 млрд — менее чем на два доллара; более 1 млрд не имеют доступа к чистой воде; 827 млн страдают от недоедания. Нельзя сказать, что все это результат глобализации, но она практически ничего не сделала для исправления ситуации» [6].

При сохранении нынешних тенденций разрыв в уровне жизни в богатейших и беднейших странах будет стремительно увеличиваться и станет непреодолимым. В настоящее время сложилось представление даже не о «вечно развивающихся» странах, как еще десятилетие назад, а о «конечных странах». В последних вывоз капитала в развитые государства, отъезд квалифицированной части населения настолько велики, что страна лишается внутренних источников развития. Это приводит к двум последствиям. С одной стороны, возникает «технологический занавес», — «конечная страна» не может эффективно освоить технологические нововведения, даже если их удастся купить или украсть. С другой стороны, «конечная страна» может обладать значительными природными ресурсами, однако она не может ими воспользоваться самостоятельно, и их освоение остается на долю транснациональных корпора-

ций, что приводит к еще большей зависимости [7]. Высокие технологии, призванные объединять человечество, на нынешнем этапе глобализации во многом способствуют его расслоению, так как богатые и бедные страны обладают различными финансовыми возможностями. Помимо обычного деления на развитые и развивающиеся страны возник, как считают многие исследователи, еще более глубокий раскол — на страны, во многом уже базирующиеся на информационно-инновационной экономике, и страны, даже не помышляющие об этом [8].

Развитие и широкое использование информационно-коммуникационных технологий привело к появлению еще одного измерения бедности — так называемой *«информационной бедности»* [9]. Это понятие отражает рост социальной дифференциации населения по новому принципу — принципу возможностей доступа к современным информационно-коммуникационным технологиям, когда лишь часть населения получает доступ к новым технологиям и информационным ресурсам и может реализовать это преимущество. Благодаря ускорению процесса технологической инновации, вовлечению индустриального капитала и конкуренции новая сетевая технология и инфраструктура становятся гораздо дешевле, а потому доступнее для все большего числа людей. Что же касается доступа к распространяемой по ним информации, то это остается одной из самых сложных проблем. Стоимость информационных услуг может на многие годы стать фактором, усиливающим разрыв между теми, кто может, и кто не может себе позволить получать и распространять информацию.

Серьезной проблемой, усиливающей глобальное неравенство и влияющей на миропонимание современного человека, является *изменение характера труда*. С распространением высоких технологий характер трудовой деятельности изменяется качественно. Достижения новейших технологий и усиление процессов глобализации формируют новый тип работника, для которого важно быть инициативным, мобильным, уметь быстро переучиваться, обладать воображением и интеллектом, быть самодостаточным и ответственным. Рынок труда постепенно освобождается от неквалифицированной низкооплачиваемой рабочей силы, неспособной подняться с «профессионального дна». Характер трудовой деятельности становится все более непостоянным. Занятие на всю жизнь уступает место случайной работе,

и люди, еще вчера полагавшие, что карьера им гарантирована, обнаруживают, что их квалификация превратилась вдруг в бесполезное занятие [10]. Так, сегодня молодой американец, имеющий за спиной хотя бы два года колледжа, должен быть готов к тому, что за время его трудовой деятельности ему придется сменить рабочее место, по меньшей мере, 11 раз, а базу своих навыков и умений, тоже, по меньшей мере, - три раза в течение сорока лет трудовой деятельности [11].

По мере развития общества, основанного на высоких технологиях, возрастает риск исключения из социальной жизни многих слоев населения. Прежде всего, это малообеспеченные граждане, которые просто не могут позволить себе получить качественное образование, приобрести новую цифровую технику и работать в компьютерных сетях. Вместе с тем существует и такая проблема, как нежелание или неумение пользоваться новыми информационными и коммуникационными технологиями, требующими от потребителя новых качеств — высокого уровня абстрактного мышления, быстроты реакции, готовности к постоянному повышению образования.

Но дело не только в этих кардинальнейших социальных переменах. Речь также должна идти о перспективах высокотехнологических преобразований в экономике, проблемы которых столь горячо обсуждаются в постсоветских странах с надеждой решить таким способом многие острые социально-экономические проблемы. Возможно, это и горько, но следует признать, что эти государства после развала СССР также оказались в зоне «вечно развивающихся» стран. Даже Россия с ее нефте- и газодолларами и с грандиозными проектами типа Сколково пока реально не продвинулась к выходу из этой зоны. В качестве преимущества постсоветских стран по сравнению с «вечно развивающимися» странами обычно называют наличие в них относительно развитых научных систем. Едва ли можно считать это столь уж кардинальным преимуществом, потому, что эти научные системы представляют собой осколки бывшей единой системы, к тому же изрядно одряхлевшие и деформировавшиеся за двадцатилетие стагнации. К тому же в нынешней и последующей глобальной системе экономики вовсе не наука, а нахождение страной реальной собственной ниши в такого рода системе определяет инновационные потенциалы государства. Мощный рывок Норвегии в глобальной экономике, где многие транснациональные компании размеща-

ют свои капиталы, по сравнению с более развитыми в научном отношении Швецией и Данией убеждает в этом.

Нет спору в последнее десятилетие на постсоветском пространстве, как и во всем мире, произошли колоссальные изменения в прогрессе информационно-коммуникационных технологий. Тем не менее позиция наших стран не вышла из маргинальной зоны «информационной бедности», и мы обречены на стратегию перманентного гонки за лидерами, которых едва ли удастся догнать. К тому же жесткие законы глобализации искусственно сдерживают даже минимальный приток в элитную группу стран, выстраивая систему фильтров и препятствий, которые действуют без сбоев. В этих условиях нет особых надежд, выстроив собственную эффективную инноваци-

онную систему (что едва ли возможно из-за колоссальных средств, которые она потребует), на то, что высокотехнологическая продукция будет продаваться по истинным ее ценам. Скорее в глобальной экономике это будут демпинговые цены, которыми в лучшем случае можно окупить затраты.

В таких условиях столь распространенная риторика на темы тотального преобразования экономики наших стран на инновационной основе утопична по определению. Гораздо более эффективна стратегия поиска страной узких ниш в глобальной экономике, в которых в сотрудничестве с более развитыми государствами можно найти возможности для реализации конкретных научно-технологических инноваций.

Литература

1. Мясникова, Л. Смена парадигм. Новый глобальный проект / Л. Мясникова // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2006. — № 6. — С. 6.
2. *Глобалистика: Энциклопедия* / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. — М., 2003. — С. 181.
3. Кастельс, М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура* / М. Кастельс. — М., 2000. — С. 505.
4. Соколенко, С.И. *Производственные системы глобализации: Сети. Альянсы. Партнерства. Кластеры: Украинский контекст* / Н. Загладин. — Киев, 2002. — С. 96.
5. *Глобалистика: Энциклопедия* / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М., 2003. — С. 183.
6. Сорос, Дж. *Мыльный пузырь американского превосходства* / Дж. Сорос. М., 2004. — С. 96–97.
7. Ахромеева, Т.С. *Современная экономика. Взгляд с позиций компьютерного моделирования и системного анализа* / Т.С. Ахромеева, Г.Г. Малинецкий, С.А. Посошков // *Безопасность Евразии*. 2002. — № 2(8). — С. 84.
8. Мельянцева, В. *Информационная революция - феномен «новой экономики»* / В. Мельянцева // *Мировая экономика и международные отношения*. 2001. — № 2. — С. 6.
9. Пустовалова, И.В. *Аксиологический аспект влияния высоких технологий на миропонимания человека: дис... канд. филос. Наук* / И.В. Пустовалова. — Ростов-на-Дону, 2007. — 147 с.
10. Мартин, Т.П. *Западная глобализация: атака на процветание и демократию* / Т.П. Мартин, Х. Шуман. — М., 2001. — С. 137.
11. Сеннетт, Р. *Коррозия характера* / Р.Сеннетт. — Новосибирск, М., 2004. — С. 10.
12. Загладин, Н. *Глобальное информационное общество и Россия* / Н. Загладин // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2005. — № 7. — С. 21.